

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-160-168
УДК 94(47)04/06

Роль строительства укрепленных линий и новых городов в формировании юго-восточных границ России в XVII–XVIII вв.

Роза Гафаровна БУКАНОВА

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3147-3666>, e-mail: brg777.50@mail.ru

The role of building fortified lines and new cities in the formation of southeastern borders of Russia in the 17th – 18th centuries

Roza G. BUKANOVA

Bashkir State University
32 Zaki Validi St., Ufa 450076, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3147-3666>, e-mail: brg777.50@mail.ru

Аннотация. Исследование процесса расширения государственной территории и формирования государственных границ является актуальной проблемой исторической науки. Поставлена цель: показать, как шел этот процесс на территории юго-востока России в XVII–XVIII веках. В условиях регионализации отечественной исторической науки важным методологическим инструментом является теория фронта. Она позволяет применить к исследованию юго-восточного фронта России теоретические и конкретно-исторические разработки ученых, полученных в результате изучения других пограничных территорий, в частности, южного и поволжского фронта. Основные результаты данной работы заключаются в том, что в ней дано определение юго-восточного фронта и установлены его географические параметры, охватывающие в основном территорию Башкирии, оказавшейся в составе России с середины XVI века. Обоснована роль городов-крепостей и укрепленных линий в формировании юго-восточной фронтальной зоны. Показан процесс формирования государственных границ в этом регионе. Сделан вывод о том, что, независимо от мотивов сооружения, города-крепости становились политическим инструментом закрепления новых земель в составе Российского государства, способствовали постепенному превращению фронтальной территории во внутреннюю область (уезд, губернию).

Ключевые слова: юго-восточный фронт; Башкирия; города-крепости; Оренбургская укрепленная линия; государственная граница

Благодарности: Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00313 А, проект «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Для цитирования: Буканова Р.Г. Роль строительства укрепленных линий и новых городов в формировании юго-восточных границ России в XVII–XVIII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 160-168. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-160-168

Abstract. The study of the process of state territory expansion and the formation of state borders is a relevant problem of historical science. We set a goal: to show how this process went on in the Southeast of Russia in the 17th – 18th centuries. In the context of the regionalization of domestic historical science, frontier theory is an important methodological tool. It allows applying theoretical and concrete historical scientists' solutions to the study of the southeastern frontier of Russia obtained as a result of studying other border territories, in particular the southern and Volga frontier. The main results of this study define the southeast frontier and sets its geographic parameters,

covering mainly the territory of Bashkiria, which has been part of Russia since the middle of the 16th century. We substantiate the role of fortress cities and fortified lines in the formation of the southeast frontier zone. We show the process of state borders formation in this region. We draw conclusion that, regardless of the construction motives, the fortress cities became a political tool for securing new lands within the Russian state, and contributed to the gradual transformation of the frontier territory into an internal region (county, governorate).

Keywords: southeastern frontier; Bashkiria; fortress cities; Orenburg fortified line; state border

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 18-09-00313 A, "Russian frontier: social and economic dynamics, everyday and household population models, formation of state territory and mobile border. 16th – early of 19th century (on materials of the southern and southeastern counties of the Central European Region)".

For citation: Bukanova R.G. Rol' stroitel'stva ukreplennykh liniy i novykh gorodov v formirovaniy yugo-vostochnykh granits Rossii v XVII–XVIII vv. [The role of building fortified lines and new cities in the formation of southeastern borders of Russia in the 17th – 18th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 160-168. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-160-168 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Методологическое значение концепции фронта в современной отечественной историографии заключается в том, что она позволяет по-новому взглянуть на самые различные стороны процесса формирования государственной территории России на протяжении практически всей ее истории. На разных этапах развития государства – от эпохи Киевской Руси до Российской империи – ее территория непрерывно прирастала новыми землями, которые различались не только географическими и природно-климатическими, но и этнодемографическими, социально-экономическими и культурными признаками. В связи с этим одним из ключевых вопросов российской истории является формирование государственных границ, очерчивающих ареал расселения государствообразующего этноса и вовлеченность данной территории в административно-правовую систему страны.

В трудах Ю.А. Мизиса, О.В. Скобелкина, А.И. Папкова, посвященных исследованию южнорусского фронта, подробно рассмотрено содержание и соотношение терминов «фронт» и «граница». В конкретно-историческом плане мнение авторов можно сформулировать следующим образом: фронт – это «зона экономического, социального, политического и культурного взаимодействия» русского населения с населением колонизируемой приграничной территории, а граница – «четкое определение государственной принадлежности смежных территорий» [1, с. 9-10]. Наряду с общими признаками фронта, достаточно хорошо описанны-

ми в исторической литературе, на юге России главными отличительными признаками фронтальной зоны являлись:

- отсутствие на сопредельной территории какого-либо государства (колонизируемой территорией было Поле, где не было постоянного населения);

- государственная граница в современном понимании отсутствовала, она носила весьма условный (подвижный) характер. В XVI–XVII веках определенными координатами подконтрольной российскому правительству территории являлись сторожевые посты и маршруты проезжих станиц, посылаемых в степь из окраинных городов [2, с. 44-45].

Ввиду обширности колонизируемых Россией пограничных регионов по всему периметру ее границ, географические координаты фронтальных зон, как правило, не поддаются точному определению. Тем не менее южнорусский фронт XVI–XVII веков исследователи предлагают ограничить «территорией междуречья Волги и Дона с востока на запад», а с севера на юг – «границей бывшего Рязанского княжества и предгорьями Кавказа» [1, с. 10]. Кроме того, методами фрактального анализа были впервые установлены его конкретно-исторические и пространственные характеристики [3].

Если мы сознательно ограничимся рассмотрением истории только европейской части России, то в настоящее время как в методологическом, так и конкретно-историческом аспекте наиболее полно разработана

фронтирная теория применительно к истории освоения южного приграничья к западу от правобережья р. Волга и область Среднего и Нижнего Поволжья, которая рассматривается как «поволжский» фронтир [4].

Астраханские исследователи к южному фронтиру России относят также социальное пространство Нижней Волги – зону активных межэтнических и межконфессиональных контактов, где происходил процесс зарождения «новой культурной реальности» [5].

Уральские историки для осмысления процессов, которые происходили в приграничных частях страны, имевших для России петровской и постпетровской эпохи важное хозяйственное значение, выдвинули новую трактовку концепции фронта – теорию фронтирной модернизации. Кроме методологического значения данного положения, в их исследованиях подвергнуты анализу специфические черты фронтирной модернизации в условиях незавершенного освоения территорий Среднего Поволжья, Урала и Западной Сибири в имперский период, то есть с начала промышленного освоения Урала [6; 7].

Этот краткий обзор показывает, что, несмотря на регионализацию исследования одних и тех же проблем отечественной истории, в целом речь идет о тех территориях юга и востока России, которые последовательно и почти без сопротивления со стороны аборигенного населения (или их отсутствия на юге) были включены в административную систему Российского государства. Вне поля зрения историков оказались регионы, которые длительное время оставались относительно самостоятельными в политическом отношении и где даже после вхождения в состав Российского государства сохранялся традиционный уклад социально-экономической жизни, самобытное этнокультурное своеобразие. Это – территории к юго-востоку от центра России с явным преобладанием инородческого населения, зона соприкосновения славяно-православной и тюрко-мусульманской цивилизаций. Другими словами – юго-восточный фронтир.

Попытаемся представить наше определение юго-восточного фронта XVII–XVIII веков с учетом того, что современные географические представления о юго-восточных рубежах России совершенно не совпадают с географическими представлениями той эпо-

хи. Под юго-восточным фронтиром мы подразумеваем территорию к востоку от р. Волга и нижнего течения р. Кама, то есть территорию Башкирии, вошедшей в состав Российского государства в 1557 г. после падения Казанского ханства. Башкирия оставалась фронтирной зоной вплоть до буржуазных реформ 60-х гг. XIX века.

В соответствии с темой данного исследования мы ограничимся хронологическими рамками XVII–XVIII веков, периодом, когда перед российским правительством встала задача окончательного определения и утверждения юго-восточных границ Российского государства. На решение этой задачи ушло почти столетие: она была решена в ходе сооружения городов-крепостей и укрепленных линий на протяжении второй половины XVII – первой половины XVIII века.

Пограничная Башкирия имела ряд особенностей. Эта территория отличалась особым культурно-политическим кодом, позволившим ей сохранить региональное своеобразие как в составе Золотой Орды, так и после добровольного признания башкирами российского подданства в составе России. В сущности, она и являлась настоящей фронтирной зоной, где тесно взаимодействовали тюркские, славянские и угро-финские народы. В связи с тем, что башкирский народ в процессе этногенеза вобрал в себя разнообразные этнические компоненты, это взаимодействие складывалось естественным образом как до, так и после ее вхождения в состав России. Однако особенность юго-восточного фронта заключалась не только в этом. В отличие от южного фронта, сложившегося на стыке соприкосновения с незаселенным Полем, Башкирия была окружена со всех сторон государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды, и даже была разделена между Ногайской Ордой, Казанским и Сибирским ханствами.

В составе России Башкирия как юго-восточная фронтирная область являлась не только, и не столько зоной экономических, социальных и культурных контактов пришлого населения с местным, а территорией, имеющей важное стратегическое и геополитическое значение. Поэтому во взаимоотношениях России с ногайцами, калмыками, казахами, сибирскими татарами она играла посредническую роль. Только в середине XVIII

века после установления четких государственных границ вдоль внешних пределов Башкирии и образования на ее территории Оренбургской губернии Россия вступила в непосредственное соприкосновение с Казахстаном, вышла на среднеазиатские рынки и установила прямые дипломатические отношения со странами Центральной и Юго-Восточной Азии. Включение Башкирии в административную структуру Российского государства и постепенная трансформация буферной зоны во внутреннюю область Российской империи происходило преимущественно военно-политическими методами – путем сооружения городов-крепостей и укрепленных линий, появление которых, хотя это было обусловлено внешнеполитическими причинами, сыграло в этом процессе едва ли не главную роль.

Юго-восточный фронт в общих чертах был рассмотрен в нескольких статьях, в которых большое внимание уделено строительству на его территории городов-крепостей и укрепленных линий [8–10]. На начальной стадии формирования юго-восточного фронта (вторая половина XVI века) в историческом центре Башкирии была построена Уфимская крепость (1586 г.); на западной ее окраине – город-крепость Самара (1586 г.); на р. Кама, в северной части Башкирии, было основано укрепленное дворцовое поселение – Оса (1591 г.), вокруг которого образовалась Осинская дворцовая волость. В Башкирии же наряду с существовавшими издавна фискальными округами – Ногайской, Казанской и Сибирской дорогами – появилось еще одно административное деление: Осинская дорога. Основание Уфы, по существу, явилось первым шагом в освоении заволжских и закамских земель. Русские крепости и укрепленные поселения явились условными знаками принадлежности этого региона к сфере влияния Российского государства.

Следующий этап в формировании юго-восточного фронта относится к середине и второй половине XVII века. Он характеризовался возникновением внешней угрозы: в 30-х гг. XVII века многочисленные калмыцкие племена окончательно завоевывают территорию вдоль внешних границ России на юге и юго-востоке Башкирии. Большая Ногайская Орда прекратила свое существование, что побудило российское правительство

перейти к активным наступательным действиям.

В середине 40-х гг. XVII века на левобережье р. Кама в Уфимском уезде сначала были построены отдельно стоявшие крепости: Шешминск, Чалнинский городок и Мензелинск. А в 1652–1655 гг. была построена сплошная линия укреплений – Закамская черта. В ходе строительства Закамской черты в восточном направлении от р. Волга возникли крепости: Белый Яр, Ерыклинск, Тининск, Новошешминск, стоялый острог Кичуев, крепость Заинск, а также частично была перестроена и включена в Закамскую черту Мензелинская крепость, возникшая еще в 1645 г. [11].

Этот период характерен тем, что под угрозой калмыцкого вторжения впервые предпринимается попытка установить внешние границы Российского государства – «государевой земли». От имени царя как гаранта вотчинного права башкир и обладателя верховной власти на башкирские земли московское правительство выступило с категорическим требованием, чтобы калмыки не вторгались в пределы Башкирии. В документах четко обрисованы границы ясачных владений башкирского населения, которые назывались «государевыми башкирскими волостями», «государевых ясачных людей вотчинными землями». Так, 14 июня 1650 г. уфимский воевода доводил до сведения калмыцких послов, что «по Яику, и по Сакмаре, и по Илеку, и по Ору, и по Киилу и с малыми речками, которые в те реки впади, земли царского величества; в тех урочищах Казанских, и Уфинских, и Самарских уездов русских людей, и башкирцов <...> вотчины истари, а с тех своих вотчин они платят государев яsak»¹. Другие источники также обозначают внешние пределы «государевых земель» по среднему и верхнему течению р. Яик и его притокам Илеку, Ори, Сакмаре и Киилу². Кроме того, в грамоте приказа Казанского дворца 1650 г. указывалось, чтобы калмыки «к государеве отчине к Астарахани, и к государевым городом, и к Волге реке не приходили»³. По этим документам можно устано-

¹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 127. Ногайские дела. 1650 г. Д. 2. Л. 5.

² Там же. Л. 2, 4-5, 131; Ф. 119. Калмыцкие дела. 1648 г. Д. 1. Л. 53, 62.

³ РГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. 1649 г. Д. 1. Л. 131.

вить примерные границы России на юго-востоке: от Каспийского моря они шли между р. Волга и р. Яик на север, постепенно поворачивая на северо-восток, к низовьям рек Большой и Малой Узени. Далее – по среднему течению р. Яик, его притокам Илек и Орь, – и уходила в верховья р. Тобол [11, с. 67-68]. К тому времени в орбиту интересов Российского государства входили также земли по рекам Иртыш, Омь и Камышлов, с которых калмыки должны были платить ясак за право кочевать на этих землях. Следует заметить, что эта определенность в обозначении юго-восточных границ была обусловлена тем, что башкиры очень хорошо знали границы своих вотчинных земель, что противоречит утвердившемуся в исторической литературе мнению о том, что степные народы были кочевниками, не имевшими локальной территории расселения.

Строительство Закамской черты вписывалось в общую концепцию оборонительной стратегии Российского государства. В 30–50-х гг. XVII века московское правительство берет курс на создание непрерывной цепи оборонительных линий: Белгородской черты (1635–1658 гг.), Тамбовского вала, Симбирской черты (1648–1654), Закамской черты (1652–1655 гг.). Они стали представлять собой своеобразную линию русского фронта, которые разделили наиболее освоенные русским населением южные и юго-восточные окраины Российского государства от иноязычного окружения. На укрепленных линиях появились десятки городов-крепостей, которые длительное время выполняли функцию пограничных форпостов.

Таким образом, установление внешних государственных границ на юго-востоке диктовалось необходимостью борьбы с внешними неприятелями. В первой половине XVII века возникла реальная угроза потери Россией юго-восточных земель. Территория Большой Ногайской Орды, распространившаяся на большое пространство между реками Эмбой и Волгой, была захвачена хорошо вооруженными и известными в степи своей воинственностью калмыками, а в первой половине XVIII века их сменили не менее воинственные киргиз-кайсаки (казахи).

На примере освоения территории Башкирии (Уфимского уезда) хорошо иллюстрируется логика перехода от строительства от-

дельных крепостей к строительству укрепленных линий. Первая русская крепость на этой территории возникла в процессе присоединения новой территории – с согласия самих башкир. В последующем большая часть укрепленных городов-крепостей возникла в ходе создания цепи оборонительных линий против внешних врагов или подавления сопротивления местного населения. С середины XVII века возникает новая тенденция – строительство крепостей в процессе экономического освоения природных богатств вновь присоединенной территории. Так, после подавления башкирского восстания 1662–1664 гг. на месте запустевшего дворцового села Архангельского в 1667 г. был построен укрепленный Бирский городок, который выполнял функцию перевалочного пункта в торговле местных жителей с сибирскими городами. К XVII веку относится появление на Южном Урале первого русского поселения, основанного в связи с разработкой природных ресурсов. В 1684 г. на соляных месторождениях, принадлежащих башкирам Кесе-Табынской волости, с их согласия был построен Соловарный городок, заселенный стрельцами. Эти городки XVII века, хотя и были заселены военно-служилым населением, были ориентированы в основном на освоение природных богатств края.

История градостроительной политики на территории Башкирии представляет особый интерес в связи с тем, что политико-правовой статус Башкирии в составе России разительно отличался от положения других регионов. Башкиры, принявшие русское подданство добровольно, в отличие от других покоренных народов, обладали вотчинным правом, охраняемым государством, что в какой-то степени сдерживало процесс увеличения численности городских поселений в этом регионе.

Начало третьего этапа формирования юго-восточных границ России относится к эпохе Петра I. Здесь мы не будем касаться вопросов картографирования и создания атласа Российской империи в процессе всеобщей «инвентаризации» государственной территории. Петр I сохраняет прежнюю политику присоединения и освоения новых земель посредством предварительного сооружения на стратегически важных направлениях крепостей или непрерывных укрепленных ли-

ний. Однако, в целом город на протяжении первой четверти XVIII века постепенно меняет свое предназначение. Город становится политическим инструментом и основным ядром в проведении административных реформ.

В основу губернской реформы 1708 г. была положена сложившаяся к тому времени урбанистическая система. Созданные указом Петра I от 18 декабря 1708 г. губернии и уезды стали теперь напрямую зависеть от наличия городов. Наиболее крупные из них стали губернскими центрами. Весь юго-восток вошел в состав Казанской губернии. Всего в ней числилось 36 городов уездного значения, а к ним в свою очередь было приписано 34 «пригорода». Так, к Уфе были приписаны село Каракулино, Бирский и Соловарный городки. Если учесть, что Соловарный городок был построен лишь в 1684 г. как острожек и вскоре прекратил свое существование, то на огромной территории Башкирии в петровское время фактически оставалось всего лишь 2 городских поселения: Уфа и Бирск. Мензелинская крепость и городок Оса, ранее находившиеся в составе Уфимского уезда, были приписаны к г. Казань. Губерния оказалась трудноуправляемой. После крупнейшего башкирского восстания 1704–1711 гг. в 1712–1715 гг. в Башкирии была введена особая система управления. В 1728 г. воевода Уфимской провинции был напрямую подчинен Сенату.

В XVIII веке строительство линий и крепостей все больше приобретает наступательный характер. Признание российского подданства ханом Младшего казахского жуза Абулхаиром побудило российское правительство приступить к строительству новых укрепленных линий с городами-крепостями нового типа. Так, в 1731–1736 гг. в Заволжье была построена Новая Закамская линия и на ней крепости: Алексеевск, Красноярская, Сергиевск, Черемшанская. Это было началом активной политики России в Башкирии, все еще остававшейся вне российской юрисдикции и сохранявшей особое положение в составе Российской империи.

Следующий этап, предшествующий установлению демаркационной линии между Российской государственной территорией и казахскими землями, связан деятельностью

Оренбургской военно-географической экспедиции (комиссии) в 1734–1743 гг.

Основная задача экспедиции – первоначально она называлась Киргиз-кайсацкой экспедицией – состояла в открытии нового сухопутно-морского пути из России в Индию, который должен был пройти через Башкирию, территорию Младшего казахского жуза и акваторию Аральского моря. На этом пути должны были быть построены город Оренбург и пристань на Арале. Однако с самого начала деятельности экспедиции стало ясно, что эти задачи невыполнимы, и, чтобы оправдать свое существование и затраченные на нее средства, вся ее деятельность была направлена на массовое строительство городов-крепостей на территории Башкирии [12, с. 110]. При первом начальнике Оренбургской экспедиции И.К. Кирилове в центре и вдоль внешних границ Башкирии в общей сложности было заложено 18 крепостей. Из них к началу 1737 г. было построено 10 крепостей: Оренбургская крепость на р. Ор (ныне – г. Орск), в остальных частях Башкирии – Табынская, Озерная, Бузулуцкая, Красносамарская, Красноуфимская, Елдяцкая и Нагайбацкая крепости. Две крепости были построены в Зауралье – Чебаркульская и Миясская.

В мае 1737 г. после смерти И.К. Кирилова начальником Оренбургской комиссии был назначен В.Н. Татищев, который в 1720–1722 и 1734–1737 гг. занимал пост начальника Главного Правления Сибирских и Казанских казенных заводов в г. Екатеринбург и хорошо знал обстановку в Башкирии.

В.Н. Татищев не только продолжил строительство городков, начатых при И.К. Кирилове, но и внес определенный порядок в это дело, подчинив строительство крепостей задачам управления краем и определив их административные функции. При нем были заложены и новые крепости: Тевкелев Брод, Переволока, а также Елшанская и Сорочинская – на р. Самара; Татищева пристань, Бердская, Губерлинская – на р. Яик; Мочинская крепость в 20 верстах южнее г. Самары; Ставрополь на р. Волга для удержания калмыков за Волгой (это место ныне затоплено Волжским водохранилищем); достроены Эткульская и Челябинская крепости в Зауралье.

В.Н. Татищевым было принято решение о переносе г. Оренбурга на новое более удобное место. Выяснилось, что, хотя И.К. Кирилов еще в 1736 г. доложил императрице Анне Иоанновне об окончании строительства Оренбурга, ничего в нем еще не было построено. Место под строительство нового города Оренбурга было определено в урочище Красная гора, однако достроить Оренбургскую крепость В.Н. Татищеву не удалось [12, с. 143-144].

В 1742 г. командиром Оренбургской комиссии был назначен опытный администратор и государственный деятель И.И. Неплюев. В 1743 г. он объезжает Башкирию с целью определения границ будущей губернии, а заодно основывает и заселяет новые города-крепости. Ниже по течению р. Яика были определены места для строительства еще двух крепостей: Магнитной близ Магнитной горы, Кизильской на р. Нижний Кизил. Две небольшие крепости предполагалось построить на реках Уртазым и Таналык. Во время пребывания И.И. Неплюева в Зауралье было выбрано новое место под строительство г. Оренбург при впадении р. Сакмара в р. Яик – на самой границе Башкирии. 19 апреля 1743 г. было начато строительство города. В 1744 г. была образована Оренбургская губерния. Оренбург становится губернским городом, а И.И. Неплюев – первым губернатором [12, с. 148-151].

Многие города-крепости, построенные в 1736–1743 гг. вдоль внешних границ башкирских земель и земель уральского казачества, вошли в состав Оренбургской укрепленной линии. При И.И. Неплюеве окончательно оформляются контуры пограничной линии, организуется постоянная пограничная служба силами оренбургского казачества и башкир, устанавливаются государственные границы Российской империи на юго-вос-

токе, просуществовавшие почти до середины XIX века. Оренбургская линия была разделена на 5 дистанций.

1-я дистанция включала крепости и редуты от Звериноголовской крепости до г. Верхнеуральск (Звериноголовская, Усть-Уйская, Крутоярская, Каракульская, Троицкая, Степная, Петропавловская, Карагайская крепости).

2-я – от Верхнеуральска до Орской крепости (Верхнеуральская, Магнитная, Кизильская, Уртазымская, Таналыкская крепости).

3-я – от Орской крепости до Оренбурга (Орская, Губерлинская, Ильинская, Верхнеозерная, Красногорская крепости и г. Оренбург).

4-я – от г. Оренбург до Уральска (Чернореченская, Татищева, Нижне-Озерная, Расыпная крепости).

5-я – от Уральска до Гурьева городка.

От Звериноголовской крепости начинались Сибирские укрепленные линии, протянувшиеся по южным рубежам Западной Сибири, и тоже выполнявшие функцию государственной границы.

Башкирия в составе Оренбургской губернии превратилась во внутреннюю область Российского государства, однако до 60-х гг. XIX века эту территорию нельзя считать освоенной. Поэтому мы считаем, что с середины XVIII до середины XIX века эту территорию можно считать внутренним фронтиром, где еще продолжались процессы взаимодействия разных укладов хозяйственной жизни и разных культур.

В заключение отметим, что города-крепости и укрепленные линии, построенные на территории Башкирии в XVI–XVIII веках, сыграли исключительно важную роль в расширении государственной территории и формировании юго-восточных границ империи.

Список литературы

1. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 7-15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15
2. Скобелкин О.В. Южный фронт России на рубеже 60–70-х гг. XVI в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 10 (126). С. 43-48.
3. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Конкретно-историческое обоснование расчета значений управляющих факторов динамики южнорусского фронта в XVII – середине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 16-29. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-16-29

4. Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России // Дубман Э.Л. Ч. I. Поволжский фронт в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2012.
5. Романова А.П., Якушенков С.Н. Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России // Инноватика и экспертиза. 2012. № 2 (9). С. 74-80.
6. Зубков К.И. Фронт как исследовательская парадигма // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 63-71.
7. Побережников И.В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72-80.
8. Рахимов Р.Н. Оренбургская и сибирские пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 10 (126). С. 103-109.
9. Буканова Р.Г. Роль Оренбурга в формировании юго-восточного фронта России // Оренбург в контексте истории Российского государства (к 270-летию г. Оренбурга): материалы заседания Научного совета ГБУ «ГАОО» / под ред. В.А. Ильиной [и др]. Оренбург: ООО НИК «Университет», 2014. С. 25-27.
10. Буканова Р.Г., Тычинских З.А., Муратова С.Р. Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв. // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 89-95. DOI 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-89-95
11. Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. Уфа, 1999. 149 с.
12. Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 256 с.

References

1. Mizis Y.A., Skobelkin O.V., Papkov A.I. Teoriya frontira i yug Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. [The theory of the frontier and the south of Russia in 16th – the first half of the 18th century] *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 7-15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15 (In Russian).
2. Skobelkin O.V. Yuzhnyy frontir Rossii na rubezhe 60–70-kh gg. XVI v. [Southern frontier of Russia at the edge of 60–70s. 16th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, vol. 10 (126), pp. 43-48. (In Russian).
3. Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Konkretno-istoricheskoye obosnovaniye rascheta znacheniy upravlyayushchikh faktorov dinamiki yuzhnorusskogo frontira v XVII – seredine XIX v. [A concrete historical rationale for evaluation of control factors of South Russian frontier dynamics in 17th – the middle of 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 16-29. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-16-29 (In Russian).
4. Dubman E.L. Yugo-Vostok Evropeyskoy Rossii [Southeast of European Russia]. In: Dubman E.L. *Ch. I. Povolzhskiy frontir v seredine XVI – XVII vv. Ocherki istorii* [Part 1. Volga Region Frontier in the mid 16th – 17th Centuries]. Samara, “Samara University” Publ., 2012. (In Russian).
5. Romanova A.P., Yakushenkov S.N. Frontirnaya teoriya: novyy podkhod k osmysleniyu sotsial’no-politicheskoy i ekonomicheskoy situatsii na Yuge Rossii [Frontier theory: a new approach to understanding the socio-political and economic situation in the south of Russia]. *Innovatika i ekspertiza – Innovatics and Expert Examination*, 2012, no. 2 (9), pp. 74-80. (In Russian).
6. Zubkov K.I. Frontir kak issledovatel’skaya paradihma [Frontier as a research paradigm]. *Ural’skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*, 2018, no. 4 (61), pp. 63-71. (In Russian).
7. Poberezhnikov I.V. Frontirnaya modernizatsiya na vostokey Rossiyskoy imperii: regional’nyye variatsii [Frontier modernization in the east of the Russian Empire: regional variations]. *Ural’skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*, 2018, no. 4 (61), pp. 72-80. (In Russian).
8. Rakhimov R.N. Orenburgskaya i sibirskiye pogranichnyye linii v XVIII – pervoy polovine XIX v. kak yugo-vostochnyy i vostochnyy frontiry Rossii [Orenburg and Siberian boundary lines in 18th – first half of 19th centuries as south-eastern and eastern frontiers of Russia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, vol. 10 (126), pp. 103-109. (In Russian).
9. Bukanova R.G. Rol’ Orenburga v formirovaniy yugo-vostochnogo frontira Rossii [The Role of Orenburg in the Formation of the Southeastern Frontier of Russia]. *Materialy zasedaniya Nauchnogo soveta GBU «GAOO» «Orenburg v kontekste istorii Rossiyskogo gosudarstva (k 270-letiyu g. Orenburga)»* [Proceedings

- of the Academic Council Session of the State Budgetary Institution “State Archive of Orenburg Region” “Orenburg in the Context of Russian State History (to the Orenburg’s 270th Anniversary)”. Orenburg, LLC NIK “University” Publ., 2014, pp. 25-27. (In Russian).
10. Bukanova R.G., Tychinskikh Z.A., Muratova S.R. Osobennosti frontira na Urale i v Zapadnoy Sibiri v XVI–XVIII vv. [Peculiarities of frontier in Ural and Western Siberia in 16th – 18th centuries]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*, 2018, no. 4 (61), pp. 89-95. DOI 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-89-95. (In Russian).
 11. Bukanova R.G. *Zakamskaya cherta XVII veka* [Zakamskaya Line of the 17th Century]. Ufa, 1999, 149 p. (In Russian).
 12. Bukanova R.G. *Goroda-kreposti yugo-vostoka Rossii v XVIII veke. Istoriya stanovleniya gorodov na territorii Bashkirii* [Fortress Cities of Southeastern Russia in the 18th Century. The History of Cities Formation in Bashkiria]. Ufa, Kitap Publ., 1997, 256 p. (In Russian).

Информация об авторе

Буканова Роза Гафаровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения. Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация. E-mail: brg777.50@mail.ru

Вклад в статью: работа с архивными источниками, анализ научной литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3147-3666>

Поступила в редакцию 12.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 14.08.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Roza G. Bukanova, Doctor of History, Professor, Professor of Russian History, Historiography and Source Studies Department. Bashkir State University, Ufa, Russian Federation. E-mail: brg777.50@mail.ru

Contribution: work with archival sources, scientific literature analysis, manuscript text drafting

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3147-3666>

Received 12 July 2019

Reviewed 14 August 2019

Accepted for press 23 August 2019